
УДК 82. 0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

Ч 17

Чамоков Т. Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: 16x76@mail.ru

**О преемственности и новаторстве
в системе адыгской новописьменной прозы
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются преемственность и новаторство как важнейшие факторы поступательного развития национальных литератур, прослеживается их диалектическая взаимосвязь и взаимодействие в адыгской новописьменной прозе в теоретическом и историко-типологическом аспектах. Выявляется «механизм» соединения традиционного опыта и новаторских открытий в жанре романа, взаимное проникновение фольклорно-эпического и литературного сознания; прослеживается эстетическая переориентация на вечные гуманистические проблемы человеческого существования посредством творческого переосмысления традиционной мифологической образной системы адыгского этноса.

Ключевые слова:

Традиции и новаторство; фольклорное и литературное сознание; современный мифологизированный, синтетический роман.

Chamokov T.N.

Doctor of Philology, Professor of Russian Philology Department, Adyghe State University, e-mail: 16x76@mail.ru

**On continuity and innovation
in system of the Adyghe new written prose**

Abstract:

This paper examines the continuity and innovation as the major factors of forward development of national literatures. The author traces their dialectic interrelation and interaction in the Adyghean new written prose in theoretical and historical-typological aspects. This work reveals the “mechanism” of connection of traditional experience and innovative discoveries in a novel genre, mutual penetration of folklore-epic and literary consciousness; esthetic reorientation to eternal humanistic problems of human existence by means of creative reconsideration of traditional mythological figurative system of the Adyghean ethnos.

Keywords:

Traditions and innovation; folklore and literary consciousness; the modern mythologized synthetic novel.

Современная литературная наука, как бы наверстывая упущенное, обращается к исследованию внутренних закономерностей историко-литературного процесса, изучает сложную диалектику развития духовной культуры в целом. Она успешно преодолевает «пагубное влияние позитивистской описательности и хроникальности, ...обретая ценностную ориентацию в характеристике литературного наследия», открывает пути создания подлинно научной «теоретической истории литературы» [1: 120]. Адыгские литературоведы все чаще обращаются к вопросам теоретического и методологического характера, рассматривая новописьменные литературы как «составную часть всемирной литературы», сохраняющую национальную самобытность в условиях глобализации культуры, исследуя диалектику литературного развития, продвигаются «к системному объяснению движения искусства слова в его объективных связях с поступательным развитием социально-исторического процесса» [2: 12].

Преемственность — основа поступательного развития всех сфер человеческой деятельности, она связывает настоящее с прошлым и будущим, выступает как необходимая связь между новым и старым в процессе развития. Преемственность национальных художественных традиций, освоение и творческое обогащение накопленного предшественниками идейно-эстетического опыта обеспечивает поступательное развитие любой национальной литературы. Проблема эта особенно актуальна для относительно молодых литератур, открывающих новые пути и формы художественного осмысления мира и человека. В адыгских новописьменных литературах каждое новое поколение писателей и поэтов по-своему и по-новому обращается к накопленному опыту, традициям, похожим на вечные посевы многолетних растений, где каждое поколение собирает свою жатву. Новые творческие силы развивают и обо-

гащают национальные художественные традиции. При этом они могут испытывать взаимное притяжение и отталкивание, традиция не только осваивается и развивается, но она и преодолевается, переосмысливается, без чего невозможны художественные открытия как в области формы, так и содержания. Такова внутренняя диалектика литературного процесса. В переписке с А. П. Чеховым М. Горький отмечал: «Учиться у всех, никому не подражая» [3: 170].

Творческое освоение художественного опыта предшественников — необходимое составляющее процесса формирования и становления оригинальной творческой индивидуальности писателя. Безусловно, сам процесс «переплавки» традиций, «механизм» их освоения конкретным художником слова трудно поддается литературоведческому анализу. Но, если учесть, что в этом процессе присутствует не только усвоение опыта, но и его отрицание, преодоление, можно найти эти линии соприкосновения и отталкивания, чтобы воссоздать картину творческого взаимодействия в целом. Поэтому, признав и отрицание отдельных сторон традиции, оценив его как «момент связи», мы можем смело употребить в анализе слова «преодоление», «отрицание», «ломка», «разрыв», «борьба». Многообразны пути и формы проявления преемственности в литературном творчестве: внутрижанровая «открытая»; возвратная, ретроспективная; опосредованная (через посредника); контактно-генетическая; между схожими и несхожими структурами, т. е. типологическая и т. д.

Осмысливая проблему межнациональных литературных связей и влияние традиций классиков на формирующиеся таланты, В. Г. Белинский сравнивал этот процесс с воздействием солнечных лучей на Землю, не оставляющих на ней следа, но «возбуждающих в них собственные силы» [4: 562]. С этих позиций можно рассматривать процесс преемственности

и новаторства и в адыгской новописьменной литературе, где просматриваются влияния предшествующего опыта на новые поколения писателей и поэтов. Примерная схема этого процесса такова: а) влияние традиций фольклора на новописьменную литературу в период ее зарождения и становления; б) влияние традиций русской классики (наряду с воздействием родного фольклора) на творчество писателей – первопроходцев – Т. Керашева, А. Шогенцукова, Х. Абукова, М. Дышекова и др.; в) влияние традиций названных писателей на новое поколение писателей 30–40-х годов – А. Кешокова, А. Шортанова, Х. Теунова, А. Евтыха, Ю. Тлюстена, Д. Костанова и др.; г) освоение и преодоление сложившихся традиций представителями «шестидесятников» – И. Машбашем, Х. Беретарем, Х. Ашиновым, З. Тхагазитовым, Ф. Балкаровой; д) приход новой волны, связанной с творчеством Н. Куёка, Ю. Чуюко, Р. Нехая, Н. Багова; А. Бицуева, Х. Бештокова; е) творческие индивидуальности, сформировавшиеся в 80–90-е годы – М. Емиж, С. Хунагова, Ш. Куев, Х. Хурум.

На начальном этапе становления адыгской новописьменной литературы 20–30-х годов отчетливо проявилась сложность органического соединения традиций национального фольклора с художественным опытом русской литературы. С одной стороны, фольклорный метод не мог быть механически перенесен в зарождающуюся письменную литературу, так как он не способен был решить проблему творческого открытия писателями-первопроходцами реалистических жанров. С другой стороны, полное следование образцам и опыту русской классики лишало писателей необходимой опоры на национальное художественное наследие. Только творческое соединение этих двух мощных потоков, переплавка их традиций в горниле таланта конкретных творческих индивидуальностей, какими явились Али Шогенцуков, Тембот

Керашев и Ахмед Хатков, способствовало тому, что адыгская новописьменная литература вышла на путь профессионального литературного творчества. Рождение новой художественной системы мироздания в условиях идеологизированного и политизированного общественного строя проходило мучительно сложно и противоречиво. Огромный художественный мир русской и мировой классики, открытый национальными писателями, заслонялся социально тенденциозной, декларативно-революционной патетикой, уводящей молодую литературу от эстетической сущности искусства. Подлинно художественное новаторское слово трудно пробивало себе дорогу в творчестве выше-названных адыгских писателей и поэтов. Трудности и издержки роста творческих индивидуальностей того периода просматривались повсеместно — и в литературах с большим историческим опытом, и в молодых, только начавших свое становление. С той разницей, что в развитых литературах была своя мощная эстетическая база, а у новописьменных ее не было.

В этот период среди адыгских писателей не было единого подхода к вопросу о путях развития письменной литературы. Отношение к национальному фольклорному наследию и к инациональному художественному опыту вызывало ожесточенные споры. Высказывались крайне противоположные суждения: в Кабарде, например, образовалась группа Т. Борукаева, считавшая недопустимым отход от фольклорной традиции. А сторонники Дж. Налоева призывали к полному повороту к русской литературе, к отказу от фольклора, называя его «дырявой рубашкой Сосруко». О совмещении двух мощных потоков, об их творческом освоении тогда речь не шла. Данный факт из истории адыгской литературы говорит о том, что новое литературное сознание формировалось постепенно. Плодотворным оказалось движение национальной литературы от малых жанров (очерка, рассказа, повести) к более круп-

ному жанровому образованию — роману. Безусловно, здесь трудно переоценить роль опыта русской литературы, способствовавшей открытию нашими писателями художественных тайн реалистического искусства. Именно творческое освоение опыта русской классики и перевод в русло реалистических жанров фольклорной традиции позволило адыгским писателям добиться художественного синтеза, необходимого для самостоятельного развития национальной литературы. Последующие десятилетия подтвердили верность и плодотворность пути фольклорно-литературного синтеза, избранного классиками адыгских литератур.

Возвратная, ретроспективная преэминентность особенно широко представлена в современном адыгском романе, связывая прошлое, настоящее и будущее в структуре синтетического произведения. Об этом свидетельствуют романы М. Эльберда, Т. Адыгова, Х. Бештокова, Ю. Чуяко, Н. Куёка. В их творчестве на основе достижений адыгской прозы создаются новые жанровые формы романа, в которых синтезируются традиции литературного и фольклорно-эпического мифологического сознания. Здесь налицо признаки жанрового новаторства, от-

крывающего возможности национальной прозы. Безусловно, вовлечение в русло современного романа всех пластов национального художественного сознания имеет место и в других литературах, являя собой явление типологического ряда. Но в адыгском романе оно представлено по-своему, выражая более открыто художественное мирозерцание народа в условиях жесточайшей борьбы за свое существование и непреодолимое желание объединения в целостный этнос. Эта национальная идея, порожденная трагической историей народа, так или иначе находит свое выражение в творчестве современных адыгских прозаиков, стремящихся выразить жизненную национальную нравственно-этическую философию народа. Тревогой за дальнейшую судьбу своего этноса подсказаны замысел и форма изложения, например, романов Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке», «Милосердие черных гор или Смерть за черной речкой», Н. Куёка «Черная гора» и «Вино мертвых». В них отчетливо проступают новаторские признаки адыгейского мифологизированного романа, заявившего о себе в конце XX-го и начале XXI-го века [5].

Примечания:

1. Теория литературы. Литературный процесс. Т. 1. М., 2001. 386 с.
2. Панеш У.М. Проблемы изучения идейно-эстетической общности отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 1. С. 11-14.
3. Горький М. и Чехов А. Переписка. Статьи. Высказывания. М., 1951. 350 с.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. V. М., 1954. 863 с.
5. Унарокова Ф.Б., Паштова М.М. Перспективы изучения адыгского фольклора // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. № 3 (82). С. 63-69.

References:

1. The theory of literature. A literary process. V. 1. M., 2001. 386 pp.
2. Panesh U.M. The problems of studying the ideological and aesthetic generality of the domestic literature of the XX-th century // Bulletin of the Adyghe State University. Series

-
- «Philology and the Arts». Maikop, 2008. Issue 1. P. 11-14.
3. Gorky M. and Chekhov A. Correspondence. Articles. Statements. M., 1951. 350 pp.
 4. Belinsky V.G. Complete works. V V. M., 1954. 863 pp.
 5. Unarokova F.B., Pashtova M.M. The prospects of the Adyghe folklore study // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. № 3 (82). P. 63-69.